

Действующая Конституция Республики Беларусь имеет, безусловно, ценностное значение для развития республики как суверенного государства, став одним из главных правовых достижений постсоветской эпохи. В контексте конституционно-правовой политики актуальной видится задача воспитания и формирования у подрастающего поколения конституционного патриотизма, гуманизма, нашедших свое закрепление в основном законе страны.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Амалфея, 2005. 48 с.
2. Конституция Японии / Конституции зарубежных стран: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков]. М.: Волтерс Клувер, 2006. 608 с.
3. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 №7-ФКЗ). М.: ИНФРА-М, 2012. 48 с.
4. Конституция Италии / Конституции зарубежных стран: учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков]. М.: Волтерс Клувер, 2006. 608 с.

Корень Елена Васильевна

*Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
(Гомель, Беларусь)*

ВЛИЯНИЕ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА ЭВОЛЮЦИЮ МЕНТАЛИТЕТА ПЕРЕДОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ

В первой четверти XIX в. в России довольно быстро расширился интеллигентский слой общества. Этот процесс был обусловлен влиянием различных факторов, в том числе и развитием системы образования, расширения сети учебных заведений [1, с. 33–61; 2, с. 99; 3, с. 65]. Для мировоззрения русских интеллектуалов, происходивших большей частью из дворян, становилось все более характерно преобладание гуманистических ценностей и общенациональных интересов над корпоративными [4, т. 1, с. 48].

В среде наиболее прогрессивно настроенных дворянских интеллигентов-просветителей происходило формирование новой картины мира, новых представлений о началах общественной жизни [5, с. 152, 172, 181]. В этой среде возникли идейно-нравственная почва и личностные предпосылки для появления декабристов, выразивших первый открытый и широкий протест против несправедливости самодержавно-крепостнического режима с его «неуважением к человеку вообще».

Многие личностные черты и моральные понятия декабристы унаследовали от своих отцов – просветителей, среди которых – И. П. Тургенев, М. Н. Муравьев, И. М. Муравьев, А. Ф. Бестужев. Как отметил Н. Я. Эйдельман, «судя по воспоминаниям деятелей первых тайных обществ, у большинства родители отнюдь не крепостники (своим отрицательным примером как бы бросавшие сына в объятия вольности, но хорошие люди, исповедовавшие, как отец Якушкина, ценный принцип: “бога бойся, царя чти, честь превыше всего”» [6, с. 20]. Отец Н. М. Муравьева призывал: «Помни, что бедный теперь голоден» [7, ч. 3, с. 290]. «Желание для бага общего! вот все, что я во власти своей имею» – писал он [7, ч., 3, с. 292]. С. П. Трубецкой во время следствия говорил, что его отец «был добрый и хороший человек» и старался внушить своим детям «чувства чести и добродетели», чем сам декабрист старался следовать всю жизнь [8, т. 1, с. 34]. То, что интеллектуальным занятиям, идеям Просвещения придавалось во многих дворянских семьях большое значение, существенно повлияло на менталитет передовой русской интеллигенции.

Интеллектуальная атмосфера столичного и провинциального русского общества начала XIX в. выразительно и многопланово показана в произведениях Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, И. А. Крылова, в воспоминаниях С. Н. Глинки, И. И. Дмитриева, С. Г. Волконского, Н. И. Греча, В. И. Штейнгеля и др., в свидетельствах иностранцев Л. Сегюра, Ж. де Сталь, М. и К. Вильмот, И. Оже и др., запечатлевших свой «взгляд со стороны» на многочисленные противоречия русской жизни второй половины XVIII – первой четверти XIX в.: просвещённость и крепостничество, роскошь и чинопочитание высшего света, отвлеченный гуманизм, патриотизм и преклонение перед всем иностранным. Между прочим, отмечалась и такая специфичная черта, как высокий уровень культуры и образования русских женщин [1, с. 50–56]. Л. Сегюр писал: «В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотой, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии» [9, с. 329]. Речь могла идти и о матерях будущих декабристов. Например, матери П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева, братьев С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов имели важное влияние на духовное развитие на своих сыновей. Забота о воспитании и образовании юношества в основном и осуществлялась женщинами. Наиболее распространенным было домашнее образование [10, с. 426–427; 11, с. 237, 243].

Хотя подавляющая масса общества имела весьма поверхностное образование, статус высших учебных заведений, как и их количество в первой половине XIX в. в России быстро возрастали [1, с. 34–38, 51].

Понятия о моральных и интеллектуальных благах, о человеческом достоинстве и чести, формировавшиеся под влиянием лекций и книг чаще всего вступали в конфликт с реалиями крепостнической России, и порождали протест. Неслучайно во время следствия всем декабристам задавали вопросы о том, какое и где они получили образование и какие книги читали, откуда заимствовали свободный образ мыслей. Значительную роль в духовном становлении

многих членов тайных обществ и участников декабристских восстаний сыграли такие учебные заведения, как Московский университет, Петербургский педагогический институт (с 1819 г. – университет), Царскосельский лицей, училище колонновожатых в Москве, кадетские корпуса. В консервативных кругах эти учреждения часто оценивались как «рассадники свободомыслия». Бурная студенческая жизнь была заполнена учеными диспутами, спорами, которые затрагивали темы социальной несправедливости, острые внутри- и внешнеполитические вопросы. Достоянием студенческой критики становились беспорядки в судах и в администрации, чиновничьи злоупотребления, взяточничество, случаи издевательств над крепостными крестьянами. Огромным спросом пользовалась политическая, в том числе запрещенная, литература, содержащая критику самодержавно-крепостнического строя: сочинения Д. Фонвизина, И. Крылова, А. Радищева, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Б. Константа, Детю де Траси, конституции и законодательные акты европейских государств и Америки.

Примечательно то, что большинство учащихся и студентов-дворян во время учебы сближались с выходцами из других сословий. Но политический радикализм был чаще всего характерен для дворян [12, с. 27]. Они были ближе к власти в силу сложившихся служебных традиций, более информированы о положении вещей из уст влиятельных родственников, со страниц книг из богатых библиотек своих родителей, а потому могли объективнее формировать свои взгляды на прошлое, настоящее и будущее страны, общества [13, с. 65].

В учебных заведениях и после выхода из них в различные сферы государственной службы и общественной деятельности молодые интеллектуалы прониклись духом критики несправедливости и стремления к улучшению общественного строя [14, т. 1, с. 96–101; 15, с. 56]. Эти настроения вызывали потребность совершенствовать знания, нужные для социально-экономического, политического, культурного развития страны. Большой популярностью у них, помимо традиционных военных наук, пользовались политические и экономические знания: «...*Бранил Гомера, Феокрита; / Зато читал Адама Смита / И был глубокий эконом...*» – метко очертил направленность интересов Евгения Онегина в одноименном романе А. С. Пушкин [16, т. 6, с. 8]. Декабрист В. И. Штейнгель писал об учащихсЯ Лицея, что «свободомыслие, внушенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве своем при вступлении в свет» [8, т. 14, с. 188]. Действительно, сложно было выпускникам учебных заведений, слушавшим «Право естественное» профессора А. П. Куницына, лекции профессоров К. И. Германа, К. И. Арсеньева, Э. Раупаха, адаптироваться к действительности, в которой имела место торговля людьми, продажность судей, произвол властей [14, с. 97–99].

Известная народница В. Н. Фигнер и в конце XIX в. переживала подобное же противоречие. Она вспоминала: «Когда я вышла 17-ти лет из института, во мне в первый раз зародилась мысль о том, что не все находятся в таких благоприятных условиях, как я. Смутная идея о том, что я принадлежу к культурному меньшинству, возбуждала во мне мысль об обязанностях, которые налагает на меня моё положение по отношению к остальной некультурной массе,

которая живет из дня в день, погруженная в физический труд и лишенная того, что объективно называется благами цивилизации. В силу этого представления о контрасте между моим положением и положением окружающих у меня явилась первая мысль о необходимости создать себе цель в жизни, которая клонилась бы ко благу этих окружающих [17, т. 1, с. 382]. Говоря о своей просветительской работе в деревне, Фигнер отмечает, что в любом государстве это называлось бы культурной деятельностью и не подвергалось бы преследованию, как в России, где чиновники «подозревали, что не может быть, чтоб человек, не лишённый образования, поселился в деревне без каких-нибудь самых ужасных целей» [17, т. 1, с. 385]. В таких исторических обстоятельствах благие альтруистические и просветительские стремления, разбиваясь о действительность, превращались в революционные настроения.

Важную роль в формировании интеллигентского менталитета (и декабристов, и последующих поколений) играло общение студентов и учащихся в учебных заведениях, «атмосфера товарищества, студенческого дружества» [18, с. 44; 19, с. 45]. Это, например, предвосхитило союзы и артели, предшествовавшие тайным обществам декабристов. Так, в училище колонновожатых появилось одно из первых юношеских тайных обществ, образованное братом декабристов и будущим известным военачальником Н. Н. Муравьевым (Карским) [20, с. 78–79]. Декабрист Н. В. Басаргин вспоминал об этом училище: «...в нашем заведении между взрослыми воспитанниками существовала такая связь и такое усердие помогать друг другу, что каждый с удовольствием готов был отказать от самых естественных для молодости удовольствий, чтобы передавать или объяснять товарищу то, что он или нехорошо понимал, или когда случайно пропускал лекции. Сами даже офицеры на дому своем охотно занимались с теми, кто просил их показать что-нибудь непонятное им» [21, с. 399].

Нравственно-психологическая атмосфера как нельзя лучше способствовала возникновению дружеского «собратства», которое ставило своей целью построить, основанную идеалах социальной справедливости, республику в духе «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо. А такая мысль, как справедливо заметила М. В. Нечкина, могла возникнуть только у того, кто «недоволен окружающей его жизнью и строем» [14, т. 1, с. 104]. Они мечтали создать на диком острове новую республику, образовав из диких жителей граждан, для которых Н. Н. Муравьев написал «законы» [20, с. 78–79]. Эта утопия, «юные забавы», стали своеобразным прологом для серьезной борьбы за преобразование общественно-политического строя в России. По замечанию Ю. М. Лотмана, декабристы «скорее напоминали молодых ученых, чем армейскую вольницу» [22, с. 380–383]. И. Д. Якушкин и С. П. Трубецкой вспоминали, что многие «офицеры изучали науки», имеющие целью «усовершенствование гражданского быта государства» [23, с. 382–383; 24, с. 86–87].

В целом, образование, особенно университетское, и круг чтения существенно повлияли на становление и эволюцию интеллигентского менталитета, в котором над сословными приоритетами возвышались ценности истины, справедливости, добра, красоты.

Библиографический список

1. Яковкина, Н. И. История русской культуры: XIX век. 2-е изд, стер. СПб.: «Лань», 2002. 576 с.
2. Петров, В. М. Социокультурная динамика и функции интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 90–108.
3. Кондаков, И. В. К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 63–90.
4. Иванов-Разумник, Р. В. История русской общественной мысли. Пг., 1918. Т. 1. 192 с.
5. Соколов, К. Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999.
6. Эйдельман, Н. Я. Грань веков. М., 1986. 368 с.
7. Полное собр. соч. М. Н. Муравьева. В 3 ч. СПб.: Тип. Рос. Акад. 1820. Ч. 3. 325 с.
8. Восстание декабристов. Мат-лы и док. следствия. В 18 т. М.: Гос. пол-лит. изд., 1925. Т. 1. 539 с.
9. Сегюр, Л. Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1989. С. 313–456.
10. Дмитриев, М. А. Мелочи с запаса моей памяти // Русские мемуары. Избранные страницы XVIII в. М.: Правда, 1988. С. 414–456.
11. Дашкова, Е. Р. Записки. Письма сестер Вильмот из России. М.: Советская Россия, 1987. 495 с.
12. Секиринский, С. С., Филиппова, Т. А. Родословная российской свободы. М.: Высшая школа, 1993. 254 с.
13. Бердяев, Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. 395 с.
14. Нечкина, М. В. Движение декабристов. М.: Наука, 1955. Т. 1. 483 с.
15. Декабристы в воспоминаниях современников. М.: МГУ, 1988. 508 с.
16. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. В 19 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 6. 700 с.
17. Фигнер, В. Н. Запечатленный труд. Воспоминание. М.: Наука, 1964. Т. 1. 439 с.
18. Лебедев, А. А. Чаадаев. М.: Молодая гвардия, 1965. 270 с.
19. Пуцин, И. И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Худ. литература, 1988. 559 с.
20. Муравьев, Н. Н. Записки // Русские мемуары. Избр. страницы. 1800–1825 гг. М.: Правда, 1989. С. 57–157.
21. Басаргин, Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск: Вост.-Сиб. Книж. изд., 1988. 543 с.
22. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX). СПб.: Искусство, 1994. 399 с.
23. Якушкин, И. Д. Записки // Декабристы. Избр. соч. В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1987. С. 380–507.

24. Трубецкой, С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. В 2 т. Иркутск: Вост.-Сибирское книж. изд., 1983 Т. 1. 409 с.

Кузьминов Петр Абрамович

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
(Нальчик, Россия)*

**СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ. ДЕКАН ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА Х. Т. МЕДАЛИЕВ (1928–2017)**

12 февраля 2017 г. профессорско-преподавательский состав Кабардино-Балкарского государственного университета, общественность республики прощалась с одним из последних представителей блестящей когорты ученых-историков Кабардино-Балкарии, родившихся в 20-е годы XX в. В нее входили: Е. Дж. Налоева, Т. Т. Шикова, Т. Х. Кумыков, А. К. Текуев, Г. Х. Мамбетов, Ч. Э. Карданов, Х. Ф. Тазиев и многие другие. Эта плеяда историков заложила глубокие основы кавказоведения, опираясь на которые сегодня идет процесс успешного познания прошлого народов Северного Кавказа.

Хачим Темирович Медалиев родился 11 января 1928 г. в селении Нартан Чегемского района Кабардино-Балкарской автономной области в кабардинской крестьянской семье. В 1936 г. поступил в Нартановскую среднюю школу, но в 1942 г. в связи с временной оккупацией Кабардино-Балкарии, как и все его сверстники, вынужден был оставить учебу. После освобождения республики от фашистских захватчиков, надо было помогать семье, селу, стране и он три года работал в колхозе подводчиком и год – плотником. После окончания Великой Отечественной войны вернулся в школу, которую окончил в 1949 г. на хорошо и отлично.

Тяжелые послевоенные годы помогли осознать широту проблем построения новой жизни. Пришло четкое понимание необходимости приобретения глубоких знаний по изучению прошлого своего народа. Получить знания и профессиональные навыки можно было только в вузе.

В 1949 г. Хачим Темирович поступил на исторический факультет Кабардинского педагогического института, который окончил с отличием в 1953 г. и решил посвятить себя научно-педагогической деятельности, поскольку получил рекомендацию в аспирантуру. Осенью 1953 г. он стал ассистентом кафедры истории СССР педагогического института и аспирантом кафедры истории КПСС.

Научная тема диссертации была практически не разработана в советской историографии, поэтому надо было погрузиться в архивные фонды страны и республики. Выявив и собрав документальный материал, Хачим Темирович в 1959 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина по теме: «Борьба Кабардино-